

КАЛЕНДАРИ 1921–1941 ГОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

В статье представлен анализ динамики праздничных календарных дат в Западно-Сибирском регионе в 1921–1941-х годах, рассмотрена их структура, методика влияния на массу; изучены календарные акценты и их эволюция на протяжении изучаемого двадцатилетия.

Ключевые слова: массовая культура, массовый праздник, календарь, календарные акценты.

Календарь, как инструмент идеологического воздействия в межвоенный период (1921–1941 гг.) включает в себя события прошлого и настоящего, оказавшие влияние на идеологические основы государства, что отмечено многими исследователями [Вороницын, 1929; Дубнер, 1929; Бабин-Корень, 1929. С. 3; Маршак, 1938]. При этом данный вид издания выступает как организующее начало праздника, отмечаемого массово и торжественно, о чем свидетельствуют работы зарубежных и отечественных авторов [Цехновицер, 1931. С. 13–19; Белоусов, 1974; Жигульский, 1985. С. 23–35; Конович, 1990. С. 15–21; Абрамян, 2003; Мальте, 2009]. Названные работы выявляют вклю-

ченность календаря в торжество, не затрагивая особенности строения календаря, его предназначения в советской социально-мобилизационной политике. Целью данной публикации является определение природы, функционального предназначения и выявление технологий массовых манипуляций посредством календарных памятных событий, нацеленных на конструирование новых ценностных приоритетов на основе подмены значимых событий прошедшей эпохи. Источниковую базу работы составил эмпирический материал, представленный дореволюционными¹ и советскими² печатными изданиями календарей межвоенного периода на территории Западной Сибири и соот-

¹ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 г. СПб., 1910. 500 с.; Иллюстрированный календарь Красного креста на 1916 г. М., 1916. 400 с.; Кооперативный настольный календарь на 1916 г. М., 1916. 126 с.; Календарь русской революции / Под ред. В. Л. Бурцева. Пг., 1917. 343 с.; Календарь и справочная книжка «Сельского вестника» на 1914 г. СПб., 1914. 132 с.

² Историко-революционный календарь 1939 г. / Под ред. В. Лебедева, С. Бушуева, З. Эггерт. М., 1938. 730 с.; Историко-революционный календарь 1940 г. / Под ред. В. Лебедева, С. Бушуева, З. Эггерт. М., 1939. 735 с.; Историко-революционный календарь: 1941 г. / Под ред. В. Лебедева, С. Бушуева, З. Эггерт. М., 1940. 736 с.; Календарь антирелигиозника на 1939 г. / Под ред. П. Н. Федосеева. М., 1939. 144 с.; Календарь антирелигиозника на 1941 г. / Сост. Д. Е. Михневич. М., 1940. 191 с.; Календарь: Воинствующий безбожник. 1932 г. 4-й завершающий год пятилетки, XV Пролетарской революции. М., 1931. 125 с.; Сельскохозяйственный настольный календарь на 1926 г. / Под ред. П. Я. Гурова. М., 1925. 196 с.; Настольный календарь колхозника. 1939 г. / Под ред. Ф. Ермакова, В. Соколова, И. Гохмана. М., 1938. 448 с.; Пушкинский календарь к 100-летию со дня гибели поэта. М., 1936. 158 с.; Сельскохозяйственный календарь на 1926 г. М., 1925. 163 с.; Настольный крестьянский календарь на 1927 г. / Под ред. С. Б. Урицкого. М., 1926. 200 с.; Календарь на 1933 г.: Стеной, ежемесячный с указанием мер борьбы с вредителями в сельском хозяйстве Западной Сибири. Новосибирск, 1933. 112 с.; Календарь: Сибирский настольный сельскохозяйственный и промышленный на 1925 г. / Под ред. Л. Ансона и М. Басова. Новониколаевск, 1925. 64 с.; Сибирский настольный календарь на 1925 г. Новониколаевск, 1925. 200 с.; Детский календарь на 1932 г. М., 1931. 365 с.; Детский календарь на 1933 г. М., 1932. 365 с.; Детский календарь на 1938 г. М., 1937. 365 с.

ветствующие тематические статьи в ведущем региональном периодическом издании «Советская Сибирь» за 1921–1941 гг.

Важнейшими характеристиками новых календарей являлись приоритетная роль идеологического воздействия и ориентированность на массового читателя. При этом к календарю как средству социальной мобилизации предъявлялись определенные требования: он должен быть простым (в условиях политической и экономической нестабильности) и понятным (лексически – в условиях неграмотности населения, ценностно – соответствующий потребностям времени); запоминающимся (акцентирующим на фоне серых будней); мобильно менять ориентиры, четко расставлять политические акценты.

Все виды советских календарей имели общую структуру и сетку государственных праздничных дат. Структура календарей универсальна, несмотря на то, что она во многом дублирует дореволюционную, наполняя ее новым содержанием. Календари начинались с блока, содержащего информацию о руководстве страны. В дореволюционной России он был представлен рисунками, фотографиями императорской семьи, ближайших родственников и министров; в Советской России, соответственно, лидерами Коммунистической партии. В 1920-х гг. данный блок представлен целой плеядой политических деятелей (Калинин, Петровский, Рыков, Чичерин и т. п.)³, тогда как к 1930-м гг. остаются только Ленин и Сталин⁴. Все изображения дополнены кратким изложением титулатуры – пояснениями о месте тех или иных лиц во властной иерархии. Затем следует блок календарной сетки, который представлен в виде табеля на год и месяц. Бесспорно, что советский календарь более светский, чем дореволюционный, и не ориентирован на православные события. Поэтому в процессе формирования государственных основ внутренняя структура подобных изданий длительное время не была устоявшейся. Издания тех лет освещают

множество проектов, например, о создании летоисчисления от начала Октябрьской революции [Дубнер, 1929]; о переименовании месяцев в названия, провозглашающие принадлежность к коммунизму: январь – месяц Ленина, февраль – Маркса; март – революции; апрель – Свердлова; май – месяц май; июнь – Советской конституции; июль – жатвы; август – мира; сентябрь – Коминтерна; октябрь – Энгельса; ноябрь – великой революции; декабрь – Сталина⁵.

Нельзя не отметить проект о переходе на непрерывную пятидневную неделю, отмеченную цветными квадратами с информационной нагрузкой, где первый – День Коммуны, второй – День Маркса, третий – День Энгельса, четвертый – День Ленина, пятый – День Сталина [Кремлев-Свэн, 1930; Виктор, 1929; Кайгородов, 1929].

Существовали проекты о шестидневной неделе с отказом от традиционных названий дней недели, где были использованы порядковые номера (первый, второй, третий и т. д.), который был частично реализован в период с 1 декабря 1931 по 26 июня 1940 г.⁶ Все вышеобозначенные проекты не прижились, и в 1940 г. произошел возврат к семидневной рабочей неделе с традиционными названиями, используемыми в 1920-х гг.⁷

Таким образом, весь жизненный уклад населения регламентировался календарной сеткой, где праздничные и нерабочие дни сочетались с рабочими. При этом количество выходных и праздничных дней менялось, находясь в зависимости от политической ситуации в стране. Анализируя этот процесс, можно проследить наличие своего рода переходного календарного периода при смене эпох, когда вплоть до середины 1920-х гг. новая власть допускала существование традиционных православных праздников, впрочем, не вводя их в тексты официальных календарей. Но в дальнейшем

⁵ Календарь антирелигиозника на 1939 г. ... С. 45–47.

⁶ Проект шестидневки в Академии наук // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК Советов. 1929. № 203. С. 3.; Историко-революционный календарь 1940 г. ...

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1940. № 20. С. 1.

³ См., например: Сибирский настольный календарь на 1925 г. ... С. 25–34.

⁴ См.: Историко-революционный календарь 1939 г. ...; Историко-революционный календарь 1940 г. ...; Историко-революционный календарь: 1941 г. ...; Календарь антирелигиозника на 1939 г. ...; Календарь антирелигиозника на 1941 г. ...

проводится линия на вытеснение православных праздников из числа нерабочих дней.

Отметим, что в императорской России большинство выходных праздничных дней приходилось на дни православных постов, а следовательно, временные отрезки длинной в неделю и более. В первой половине 1920-х гг. православные даты были приобщены к государственным праздникам, а к концу этого обозначенного десятилетия происходит полное их вытеснение. Многие праздники, такие как, например, антивоенный день 1 августа и Парижской Коммуны 18 марта, длительное время (с середины 1920-х) сохранявшие за собой статус государственного праздника, теряют свое значение, выполнив функцию постройки новых ценностей и уступив место новым приоритетам. В целом можем констатировать характерное для 1930-х гг. сокращение общего количества официальных нерабочих праздничных дней до шести (22 января, 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября, 5 декабря). Однако это сокращение числа государственных праздников компенсировалось тем, что мероприятие проходило более массово и торжественно.

Советские календари межвоенной эпохи можно объединить в две группы: универсальные (историко-революционные и т. п.) и корпоративные (антирелигиозные, национальные, сельскохозяйственные, детские и т. п.) и пр.

Общие государственные календари отражали события, которые можно сгруппировать в несколько категорий. Первая категория включала события, демонстрирующие

борьбу с угнетением народных масс: движение под руководством Е. И. Пугачева, восстание декабристов, кровавое воскресенье, и т. п. Вторая категория охватывала события, характеризующие этапы становления коммунистической партии и нового общественного строя: Февральская буржуазно-демократическая революция, основание Коммунистического Интернационала, разгром Деникина и т. п. В эту же категорию входят новые государственные праздники, демонстрирующие успешность политики коммунистов. Третья категория представлена датами памяти, включающими события дореволюционного и послереволюционного периода: дни рождения и смерти выдающихся деятелей коммунизма, годовщины, полугодовщины.

Просветительской стороной календаря является наличие информационно-библиографических текстов, которые мы можем разделить по этим же категориям. Они представляют собой небольшие повествовательные очерки о важнейших событиях, персоналиях, вошедших в приоритетную ценностную шкалу Советской России. Данная акцентирующая сторона была динамична на протяжении всего межвоенного периода и находилась в прямой зависимости от политических приоритетов.

В целом в календарях 1921–1941 гг. можно констатировать увеличение общего объема библиографических текстов (см. таблицу). Текстовые приоритеты динамичны: так, вначале 1920-х гг. преобладают дореволюционные исторические события, а с начала 1930-х и по 1941 г. – даты, характеризующие

Динамика библиографических текстов
в общих государственных календарях 1921–1941 гг. *

Год	Дореволюционные исторические события		Государственные праздники и даты, характеризующие рост влияния, успешность советской политики		Даты памяти		Итого (ед. текста)
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
1925	27	40,2	25	37,4	15	22,4	67
1930	31	29,8	44	42,4	29	27,8	104
1935	36	25,6	62	44	43	30,4	141
1940	49	28,4	71	41	53	30,6	173
1941	49	26,1	81	43,1	58	30,8	188

* Таблица составлена по материалам календарей 1916–1941 гг.

щие успешность советской политики, при этом даты памяти занимают $\frac{1}{3}$ от всех единиц текста.

Вторая группа календарей – корпоративные, они ориентированы на конкретный круг людей, объединенный по общим критериям. Такие календари отражали значимость для политико-государственной системы определенной субкультуры, подкрепляя данный факт соответствующими праздничными датами.

Антирелигиозные календари отмечали победы естественных наук и коммунистических идей, провозглашали, что «борьба против религии есть борьба за коммунизм». День как календарная единица на протяжении нескольких лет представлял собой пеструю событийную гамму, включающую факты дореволюционной борьбы и угнетения народа, открытия в естественно-научном мире и эпизоды истории становления коммунизма. Отметим, что справки о православных торжествах в данных изданиях подвержены критике вплоть до конца межвоенного периода (Пасха, Рождество, Посты и т. п.). Так, издания конца 1930-х гг. отличаются сатирической направленностью в отношении церкви, включая сказки, пословицы, стихотворения, частушки⁸. При этом общие календари демонстрируют иную тенденцию в отношении православия: если в 1920-х гг. революционный и церковный календари печатались рядом⁹, то в календарях 1930-х гг. религиозные праздники просто игнорировались¹⁰.

Национальные календари издавались на родных языках, отражая традиционные праздники и постепенно включая советские торжества в бытовой обиход. С 1925 г. календарный счет, отличающийся от государственного (по фазам луны, по религиозной составляющей), был признан неправиль-

ным¹¹. К концу 1930-х гг. распространяются издания национальных календарей на русском языке. Подобные издания, сохраняя право на самобытность, обзорно рассматривали обряды некоторых национальностей, проводили сравнение с советскими, отмечали роль «нацменов» в становлении советского государства¹².

Воспитанию нового гражданина способствовало появление в 1930-х гг. детских календарей. Они представляли собой адаптированные для детского возраста маленькие энциклопедии, справочники, хрестоматии, собрания веселых приключений, шарад, игр, загадок, галерей картинок¹³. С. Я. Маршак, сравнивая детские календари Европы и СССР, отмечал высокое воспитательное значение последних [1938]. Данные издания начала 1930-х гг. изобилуют стихотворениями о сельском хозяйстве, сложными определениями праздников (например, «Первое мая – это день боевого смотра революционных сил рабочих всего мира, праздник труда и пролетарской солидарности»). Кроме того, в них представлено некоторое количество писателей и поэтов¹⁴.

К концу 1930-х гг. детские праздники были включены в контекст календарной сетки, пояснения событийной стороны торжеств упрощены и значительно увеличены в объеме; биографических справок становится больше, особый акцент ставится на события жизни деятелей коммунизма – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и др.; появляются сочинения современников, русских классиков становится больше – находят отражение произведения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова и др.¹⁵

Таким образом, в рассматриваемый период календарь являлся немаловажным фактором формирования социальной памяти, мобилизации широких масс населения. Взаимодействие в его пространстве праздничных и рабочих дней способствовало

⁸ См., например: Календарь. Воинствующий безбожник: 1932 год. ...; Календарь антирелигиозника на 1939 г. ...; Календарь антирелигиозника на 1941 г. ...

⁹ Сельскохозяйственный настольный календарь на 1926 г. ...; Настольный крестьянский календарь на 1927 г. ...; Календарь на 1933 г. ...; Календарь. Сибирский настольный сельскохозяйственный и промышленный на 1925 г. ...; Сибирский настольный календарь на 1925 г. ...

¹⁰ Историко-революционный календарь 1939 г. ...; Историко-революционный календарь 1940 г. ...; Историко-революционный календарь: 1941 г. ...

¹¹ Сибирский настольный календарь на 1925 г. ... С. 3.

¹² Настольный календарь колхозника 1939 г. ...; Сельскохозяйственный календарь на 1926 г. ...; Календарь на 1933 г. ...; Календарь: Сибирский настольный...; Сибирский настольный календарь на 1925 г. ...

¹³ Детский календарь на 1932 г. ...; Детский календарь на 1933 г. ...; Детский календарь на 1938 г. ...

¹⁴ Детский календарь на 1932 год. М., 1931. 365 с.; Детский календарь на 1933 год. М., 1932. 365 с.

¹⁵ Детский календарь на 1938 г. ...

усилению регламентации всего жизненного уклада населения. Все этого делает календарь ценным источником для исследования массовой советской культуры, для выявления технологии манипуляций общественно-го сознания.

Список литературы

Абрамян Л. А. Время праздника // Отеч. записки. 2003. № 1. С. 14–19.

Бабин-Корень Б. В. Стандартизация календарной сетки // Торгово-промышленная газета. 1929. № 223. С. 3.

Белоусов Я. П. Праздники старые и новые. Алма-Ата, 1974. 214 с.

Викторов Ю. Нужен почин // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК Советов. 1929. № 98. С. 5.

Вороницын И. Светский календарь и гражданская религия Великой французской революции. 2-е изд. М., 1929. 32 с.

Дубнер П. М. Советский календарь // Огонек. 1929. № 40.

Жигульский К. Праздник и культура: Пер. с польск. М., 1985. С. 23–25.

Кайгородов А. Надо реформировать неделю // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК Советов. 1929. № 98. С. 5.

Конович А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М., 1990. С. 15–21.

Кремлев-Свэн И. Л. Две беседы о непрерывной неделе. М. 1930. С. 27.

Мальте Р. Советские массовые праздники. М., 2009. 440 с.

Маршак С. Я. О детских календарях // Правда. 1938. № 56. 26 февр.

Цехновицер О. В. Празднества революции. Л., 1931. С. 13–19.

Материал поступил в редколлегию 25.08.2011

P. E. Azarova

CALENDARS 1921–1941^s AS A TOOL CONSTRUCTION OF SOCIAL MEMORY

The paper presents an analysis of holiday calendar dates in the West Siberian region in 1921 – 1941^s, examined their structure, methods of influence on the mass; studied calendar accents and their evolution over two decades under study.

Keywords: mass culture, mass holiday, calendar, calendar accents.